

ВИКТОР КОРОТАЕВ

ЭКЗАМЕН

СТИХИ

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

«Экзамен» — это первая книжка стихов Виктора Коротаева. Ее автор — студент Вологодского педагогического института. Несколько лет его стихи печатаются в газетах и литературно-художественных сборниках. Творчество Виктора Коротаева привлекает читателей своей лирической взволнованностью и публицистичностью. Молодой поэт рассказывает о молодежи, начинающей трудовую жизнь, о первых рабочих мозолях и о первой юношеской любви, с гневом говорит он о тех, кто мешает нашему движению вперед.

* * *

Я будто воин в выкованном панцире,
И пусть опять
 вечернею порой
Не меч стальной
 я стискиваю пальцами,
А лишь обыкновенное перо —
Я знаю,
Что закаленное страстью
И мыслью заостренное стократ,
Перо,
Которое сжимает
Мастер, —
Булат.
И только от меня сейчас зависит,
И только я
 решить сейчас могу:
Иль меч
 картинно
 в воздухе повиснет,
Или отрубит голову
Врагу.

ЮНОСТЬ

Юность,
Будто сад
От яблонь белый,
Оживает в памяти моей:
На доске
Пока лишь только мелом
Мы возводим
Этажи дробей.
Но уже зудятся руки наши,
Сердце ожидающе стучит,
И в воображеньи звонко пляшут
Молотки, и гайки, и ключи...
А за партой вдохновенью тесно —
И оно покоя не дает:
Ах, занять скорей бы в жизни место,
Место настоящее,
Свое.
Чтоб уже в анкетах, заявленьях
Не писать со скрипом
Слов таких:
Что-де нахожусь на иждивеньи
Стареньких родителей своих.
Чтоб как вызов всяким белоручкам

Каждый месяц приносить домой
Скромную рабочую получку,
Честный

трудный заработок свой.

Чтоб в азарте отработав смену,
Отряхнув рабочий свой «бостон»

Вечером,

Придя домой,

Степенно,

Равноправным

Сесть за общий стол.

И всегда, везде, от года к году

И на весь твой беспокойный век

Знать, что ты для своего народа

Нужный и полезный человек.

ЭКЗАМЕН

Ты маме кричишь из передней,
От счастья вертясь, как юла,
Что химию —

самый последний

Сейчас

на четверку

сдала.

Распахнуто настежь оконце,
И ветер, прохладен и резв,
С охапкой июньского солнца
В квартиру без спросу пролез.
На месте никак не сидится,
И ты с подоконника —

в сад,

В порхающем платье из ситца
Несешься,

увидевши лица

Веселых соседских ребят.

Щебечешь безудержно,

Рада,

Готовая петь и плясать.

«Ах, как хорошо, что не надо
Экзаменов больше сдавать!»

Сказать тебе, девочка, честно,
Восторг не боясь остудить:
Долга до конца еще песня,
Экзамены —

все впереди.

Но мы ведь когда-то

И сами

Не сразу сумели понять,

Что жизнь вся —

сложнейший экзамен,

А сдать его надо

На пять.

ЗАВТРА ГАЛКИНА СВАДЬБА

Неужели так важен —
В девятнадцать-то лет! —
Толстощекий бумажник
И распухший буфет?
Неужели так нужен
В сытом дачном раю
«Зим»

 плешивого мужа
И ковровый уют.
...Ах, ты, юность былая,
Ты напomini-ка ей
О горячем пыланье
Удивительных дней;
Как ты в сумраке улиц
Натыкалась во мгле
На кулацкие пули
И качалась в петле;
Как в буран новогодний
Под конвоем ты шла,
Чтобы Галка сегодня
Человеком росла.
Чтоб опомнилась Галка,
Оглядевшись вокруг,

Чтобы стало ей жалко
Своей юности вдруг.
Той, что тлеет без дела
И без думы большой.
И уже оскудела,
Опростела душой.
Что настойчиво ищет
В девятнадцать-то лет!—
Счастье

 в дачном затишье
Да в цветочном тепле.
О, людская незрячесть!
Юность, ты к ней лети.
Неужели за дачу
Целой жизнью платить?!
Выбей всякую дурость,
Смой ей пудру со щек:
Ты спаси ее,
Юность,
Ведь не поздно еще!

ОТВЕТ

Дед нам говаривал когда-то
Серьезно, важно, как всегда:
«Вот подрастете вы, ребята,
Я с вас за все спрошу тогда.
За то, что в Октябре солдатом
Я счастье вам завоевал
И потерял меньшого брата,
С которым вместе Зимний брал.
За то, что в страшном сорок первом,
Когда фашист меня пытал,
Я не расслабил старых нервов,
Ни слова гадам не сказал.
Спрошу за то, что я безногий,
Что нету больше прежних сил,
За то, что в эти войны много
Друзей хороших схоронил.
За то, что я для вас был мастер
Слесарных и кузнечных дел,
Что весь свой век
Ковал вам счастье
И раньше срока поседел».
И на чужой высокой ноте,
Что стоила ему труда,

Кончал крикливо: —

«Подрастете,

Я с вас за все спрошу тогда!»

А я глупец восьмигодовыи,

Припасши как-то злой ответ,

Сострил: «Какой ты бестолковый!

Да не дожить тебе ведь, дед».

...Давно уж деда нет на свете.

Года бегут, течет вода,

Но до сих пор я помню эти:

«Я с вас за все спрошу тогда».

Вот почему, забыв о боли,

Придя с работы в первый раз,

Руками в ссадинах,

в мозолях

Я пред друзьями гордо тряс.

И было жаль, что дед не дожил

Какого-то десятка лет,

Не видел, как я начал тоже

Держать пред будущим ответ.

ВЕРНОСТЬ

Нас обидела крепко судьба, —
Опоздали с рождением мы:
Не звала заводская труба
Нас на стачки декабрьской зимы.
Нас железом не жгли беляки,
Нас не грызла тифозная вошь,
Не сулили впотьмах кулаки
Под лопатку

отточенный нож.

Нас за партой отчаянье жгло,
И, приняв комсомольский билет,
Мы грустили, что время ушло:
Слишком поздно родились на свет.
Но потом, получив аттестат,
Увидали, не веря глазам;
Дела всякого —

край не почат

И что подвигов хватит и нам.
Что же, значит, наш луч не погас,
Значит, мы не проспали зарю,
Коль возможности есть и сейчас
По-солдатски

служить Октябрю!

СЕГОДНЯ ВСТРЕЧА

Со школою прощаясь навсегда,
Перед восходом солнца

в парке спящем

Мы поклялись, что вновь придем сюда
И каждый —

человеком настоящим.

Припоминаю — мне друзья не раз,
С задором подходя к столь важной теме,
Пророчили, как будто сговорясь,
Что я — уж это точно — академик.

Нам всем тогда хотелось угадать,
Какими будем лет через пятнадцать.

Фантазии не надо занимать —

Не молодежи в этом приbedняться.

...Березок повзрослевших влажный шум,

А ночь так чудно вызвездила небо!

Волнуясь, как влюбленный, я спешу

В тот милый парк, где так давно я не был,

Вот мостик над прудом.

Сейчас — фонтан.

И на скамье, вон там, под тополями —

Мечта мальчишек, грезящих штормами, —

Широкоплечий строгий капитан,

А рядом с ним известный музыкант,
Тот агроном, а тот уже писатель,
У этого — конструкторский талант,
А этот, рядом — летчик-испытатель.
И все до одного — мои друзья,
Достойные любви и подражанья,
Все люди настоящие.

А я?

Кем я пришел сегодня на свиданье?
Артист? Геолог, что для всех руду
Готов искать в горах и дни и ночи?
Нет!

Но к скамье знакомой подойду
И с гордостью

скажу им:

«Я — РАБОЧИЙ».

НАДЕЖДА

По комнате мальчишка бойко бегаёт,
Сбивает поминутно половик.
И для него сейчас
Лошадка пегая
Пока дороже
Самых умных книг.
А вот отцу
Всё явственнее чудится,
Как сын его
В какой-то дальний год
По узенькой
Незнаменитой улице
Уйдёт
На их прославленный завод.
Как в цех войдет он
Гордо и растроганно,
Войдет туда,
Где двадцать лет назад
Отец его,
Впервой сноровку пробуя,
Болты
самозабвенно
нарезал.

СЕРДЦУ

Весна в зеленый горн трубит,
Теплыню хлещет в стены.
Весна, весна...
Пора любви.
А для меня —
Измены.
Ушла любимая.
Конец.
Сама задула пламя
И только на сердце
Рубец
Оставила.
На память.
Но, сердце, ты пойми, пойми,
Что даже в эту слякоть
Нам ни на час
И ни на миг
Нельзя с тобою мякнуть.
Я верю, знаю —
Нелегко
Носить такие меты,
Но нам с тобою далеко
Идти еще по свету.

А нам еще врагов встречать
Под масками любимыми,
Которые не бьют сплеча
Кастетами тупыми,
А ждут и льстят тебе пока,
Спеша в друзья втереться,
Чтоб поразить
Наверняка
Ослабнувшее сердце.
Борьба, борьба...
Ей нет конца.
И в этой схватке буден
Нужны надежные сердца,
Негнущиеся люди.
И, сердце, ты в ребро не бей
Больной бескрылой птицей.
Нам быть и тверже и сильнее
Давно пора учиться,
Чтоб размолоть любую боль,
Как зернышко простое.
А то, раскисшие, с тобой
Чего ж мы будем стоять...

ТЕБЕ ПОВЕРИЛИ

Ты плясуном всегда был первым
И не последним был в труде...

Теперь

безжалостным барьером

Ты отгорожен от людей.

Стоишь, худой и молчаливый,

Не знающий,

С чего начать.

А на тебя глядят брезгливо

Знакомые глаза девчат.

Невольно дрогнули коленки.

Но почему —

терзаюсь я —

Когда ты крал

Чужие деньги

Рука не дрогнула твоя?

И веки не мигали часто,

И не померк от страха свет?

Перед сукном вот этим красным

Ты должен дать сейчас ответ.

Перед парнями заводскими,

Которые, потупив взгляд,

Твое загаженное имя
С упрямой верою твердят.
Не от безделья,
Не от скуки —
А веря, что излечит труд
Ребята эти
На поруки
Сегодня твой позор берут.
Берут тебя к себе под крышу,
Берут тебя с собою в путь.
Тебе поверили.
Ты слышишь?!
И ты не смеешь обмануть!

* * *

Не выношу их даже духу,
Кто изжеманничавшись весь
И хлеба черного краюху
По-человечески не съест.
Люблю естественных и честных
С открытой добротой лица,
Где просто всё:
Костюм и жесты,
Слова и взгляды,
И сердца.
Но в то же время
Помню крепко
И пронесу через лета,
Что с упрощенчеством
Нередко
Граничит
Эта простота,

* * *

Л. Фролову

Настойчиво,
Ревниво,
Неустанно

Мы учимся началу всех начал.
Быть стойкими всегда

не только в главном,

Но честью дорожить

и в мелочах.

Мы накрепко усвоили с тобою,
Не забывая это ни на час:

Кто сдал в труде, —
Тот сдаст на поле боя,
Кто предал друга, —
Родину предаст.

ПАСХА

И я наслушался довольно
От старых бабок и святош,
Что-де прилежно богомольна
У нас в Расее молодежь.
И вот я в колокольном гуде
Безмолвно мерзну с полчаса;
Во всем,
Что насажали люди,
Желаю убедиться
Сам.
Чтоб не обидеть чьей-то веры,
Не оскорбить священных чувств,
Перед дверьми во храм
Примерно
Без шапки на ветру топчусь.
Протискиваюсь в лоно церкви,
Как сквозь терновые кусты.
Народу, словно на концерте
Всепризнанной кинозвезды.
Но молодежи-то не густо.
Да и среди этих, как-никак,
Есть и любители искусства,

Но больше все-таки

Зевак.

Пытливо изучаю лица

Полуразрушенных старух,

Готовых день и ночь молиться

Христу, не покладая рук.

Им дней отпущено немного,

Кто покоряясь власти риз,

Самозабвенно верит в бога,

Почти не веря в коммунизм.

Но кто же,

Кто же им на смену

Сердешным все-таки придет?

Беднеет церковь постепенно,

Не тот уж, говорят, доход.

Последний рубль поставлен на кон!

И пусть пока —

Красней вина —

Уверенно читает дьякон

И церковь старая полна.

Измученный и присным пеньем

И блеском золоченых стен,

Почти не напрягая зренья,

Я вижу недалекий день,

Когда священник с плотным басом

Уронит лживый крест к ногам

И обведет тоскливым глазом

Пустой осиротевший храм.

И —

на работу нерадивый —

Затянет натуго живот

И, хряснув о стену кадилом,

Уйдет

Слесарить

На завод.

* * *

О, сколько для давно подросших внуков
Воспоминаний горестных хранят
Твои большие высохшие руки
И потускневший
Утомленный взгляд.
Ты расскажи,
Как с самого рассвета
Ломали спины в барщинных полях
Бабенки исхудалые
И дети,
Десятым потом хлебушко соля.
А осенью,
Когда пустела пажить,
По указанью барского пера
Единственную коровенку даже
За недоимки гнали со двора.
Ты расскажи,
Как в зимние метели,
Когда катался с горок детский смех,
Твои ребята на печи сидели:
Худая пара катанков —
На всех.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Завтра в армию уедем.
Наливай стаканы, мать.
Новобранцам напоследок
Не грешно и погулять.
Эх, играй, гармошка, рьяней,
Налегай на клапана.
Что-то я сегодня пьяный,
Хоть и мало пил вина...
 Уезжает далеко
 Бритая головушка.
 Не забуду я тебя,
 Родимая сторонушка.
Милка вышла —
Руки в бо́ки —
Водит вздернутым плечом,
Тараторят бойко ноги —
Все ей будто нипочем.
И частушки нынче —
Любо! —
Развеселые поет.
Только дрогнувшие губы
Чуть не выдали ее.

ОДНАЖДЫ

Отпыхал пожар зари.
Решили:
Дальше не поедем.
Заходим в дом
И говорим,
Что переночевать, мол, негде,
Что к вам пригнала, мол, нужда
И где угодно спать согласны,
И начинаем убеждать,
Что мы не курим —
Не опасно.
Потом снимаем сапоги,
Тесней садимся на скамейки,
Поставив в угол рюкзаки
И на печь сунув телогрейки.
Хозяйка тащит самовар,
Сажает нас за стол, к окошку,
И мы вдыхаем вкусный пар
Ее рассыпчатой картошки.
Хрустим соленым огурцом,
Засол
 искусным
 величая,

И прохладиться на крыльцо
Выходим

после чашки чая.

А утром
В руку ей суем
Рубли, хрустящие знакомо,
Чтоб как-то выразить свое
Признание искреннее
Дому.

Она глядит на нас в упор,
Слова —

короче,

резче,

суше.

В них все:

Обида и укор,

И оскорбленное радушьё.

Не подымая больше глаз,

Отшлепанные, как младенцы,

Уходим,

Наскоро простясь,

Со скрытой горечью

на сердце.

И на себя же злость берет,

И душу режет боль сквозная,

Что до сих пор

Мы свой народ

По-настоящему

не знаем.

РУСЬ

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года:
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые

острые ключицы
Из-под худых рубах
торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те сгинуть!» —
А в голосе такая грусть!
Они плюют
и горбят спины,
Ругая нищенскую Русь.
Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед

с несметным войском
вышел
Поганя земли их страны,

Они,
Свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар
И рубят шведов
За эту самую же Русь.
Им наша Русь
Из дальней дали
Светила сквозь столетий дым.
И коль они
 за ту
 стояли,
То мы
 за эту
 постоим!

РОДИНА

На родине светлее осень,
На родине свежее май.
...Случится так:
Судьба забросит
Тебя в другой далекий край.
Таких краев немного сыщешь:
Густы луга,
Темны леса,
Прозрачней реки,
Воздух чище
И бирюзовей небеса.
А ты мрачнее тучи ходишь,
Не видя солнца и цветов...
И люди здесь такие ж вроде.
И добрые.
А все не то.
Но вдруг — бывает же! — случайно
Услышишь сквозь несвязный спор
В невзрачной привокзальной
чайной
До слез знакомый перебор.
Мгновенно встрепенется память —
И хвоей на душу пахнет.

Припомнишь Север со снегами
Его ненеженный народ
И к гармонисту, как к родному,
Ты подойдешь — в улыбке рот —
Расспросишь все:
Давно ль из дома
И как там Вологда живет...
А перед расставаньем
Снова,
Забыв скупым минутам счет,
Попросишь друга дорогого
Сыграть чего-нибудь еще.
И он,
Тоску твою врачуя,
Тебе простецки подмигнет,
Тряхнет льняным веселым чубом
И нашенского оторвет.
Вздохнет гармоника мехами —
И песня вылетит, легка.
И будто север со снегами
К тебе придет издалека.

СОЛДАТ

Он предо мною —
Без медалей,
Простоволос, безног и слеп,
Осколком гитлеровской стали
И меж бровей пропахан след.
Но даром память не тревожа,
Он нынче говорит о том,
Как август сытно пахнет
рожьёю,
И усолевшим огурцом...
И я
Отчетливее вижу,
Как восемнадцать лет назад
Фашист в сыром застенке
Выжег
Его упрямые глаза.
А он ни слова
и ни стона.
Лишь губы сомкнуты плотней.
И ведь живет
непобежденный
Спаситель Родины своей,

Сидит со мной —
Не дюж,
Но стоек —
Как доказательство того,
Что дело в общем-то простое
Ограбить зрение его,
Что может враг и руки,
Ноги
Сломать солдату.
Может.
Да.
Но силу русскую, ей-богу,
Но стойкость русских —
НИКОГДА!

РАБОЧАЯ ЗАКВАСКА

Бывает тяжело — не утаю.
Бывает так, что я едва стою,
Отмолотив в горячке день рабочий.
А вечером станок прибравши свой,
Приволочешься как-нибудь домой
Да брякнешься в подушки головой
И уж подняться больше нету мочи.
... Но вот и отпуск — долгожданный сон.
Билет. Прощанье. Чемодан. Вагон.
И поезд быстроногий шпарит в Сочи.
А там — прогулки, солнца щедрый свет...
Купанья... сытный завтрак и обед...
И уймища желанных многоточий...
Помчалось время взмыленным конем,
Довольствуюсь я каждым новым днем,
Насыщенным едою и бездельем.
Беспутных волн звенящий говорок
И голубой приятный ветерок
Переполняют голову мне хмелем.
Но что такое?
Третий день подряд
С еще неясным беспокойством взгляд
Чего-то тщетно ищет в море синем.

Гляжу на горделивый кипарис,
А слышу, как легко порхает лист
На нашей скромной северной осине.
А руки... ох, как участь их горька:
Лежать в песке, в карманах пиджака,
Тоскуя в принудительном покое.
Но как же им, привыкшим с давних пор
Строгать, пилить, точить,
вонзать топор —
Как вынести им безделие такое?
Часы ползут. Нет, больше не могу.
Я кажется досрочно убегу
От этих волн, от этих нежных ветров.
Уложу чемодан и — черта с два
Удержат осторожные слова! —
Готов пройти хоть сотни километров,
Чтоб утречком, задолго до гудка
Большая пообмягшая рука
С любовью прикоснулась к робе старой.
Чтоб сапоги надернув второпях,
К заводу я летел на всех парах,
Не в силах дожидаться самовара.
И с нетерпеньем вставши за станок,
Пойму, как я душевно изнемог
И как проголодался по работе,
Пойму, как мил и дорог сердцу стал
Вот этот застоявшийся металл,
Рычащий на одной и той же ноте.
В азарте уработаюсь опять,
Чтоб к вечеру руки не приподнять,
А мысли закружатся в быстрой пляске,
Заулыбаюсь, всех и все любя,
И с радостью отмечу про себя,
Что кровь рабочей
правильной закваски.

РЕБЯТА ПРИХОДЯТ С РАБОТЫ

Ребята приходят с работы,
Легко на душе у ребят.
О завтрашней плавке
Охотно
Они меж собой говорят.
Потом
Родниковой струею
Смывая усталость и пот,
Своих некрикливых героев
Приветствует водопровод.
Прохладную влагу
Радужно
Он сыплет в ладоши ребят.
Ему
Для таких простодушных
Ни капли не жалко себя.
На фырканы парни
не скупы...
А мать расставляет на стол
Тарелки горячего супа
С душистым лавровым
листом.
И все же горяч он некстати;

Ведь, их поджидая,
Давно
В цветастых фасонистых
платьях

Девчонки стоят у кино.
Они до гулянья охочи.
А значит,
Парням, как всегда,
Домой приходите поздней
ночью

И через окно попадать.
На ощупь
Усталым движеньем
Небрежно раскинуть
постель —

И рухнуть
с улыбкой блаженной
В бездонного сна карусель.
И жадно проспать
до рассвета,
До завтрашней смены опять.
Бездельникам
радостей этих
Во веки веков не узнать.

ДОМЕНЩИКИ

Накинув куртки
На тугие плечи,
Они со мною курят у перил.
Любая тяжесть с ними
Втрое легче:
Не парни,

а и впрямь —

богатыри.

Шершавые чугунные ладони.
Обветрены и бронзовы с лица,
И ржавь бездушья никогда не тронет
Их щедрые
широкие сердца.

Здесь следуя
Неписанным законам,
Поделятся куском и табаком.

Здесь говорят
И спорят
Не жаргоном,
А пропеченым
Русским языком.

Я с завистью хорошей замечаю:
В сполохах белогривого огня

Их взгляды ослепительно сияют
От плавки

иль от счастья —

не понять.

И я жалею тех,

душою нищих, —

Рабов рубля и жирного куска,

Что счастье человеческое ищут

Совсем не там,

Где стоило б искать.

У ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ДОМНЫ

Кипела домна,
Упираясь в небо,
И не впервой
В обыденности дня
Простая быль,

как сказочная небыль,

Нежданно огорошила меня,
Когда из раскаленной горловины,
Хребет свирепо изогнув в дугу,
Как будто Змей-Горыныч,

крылья вскинув,

Из печи жарко выхлестнул чугуны,
И, обнажая огненные жала,
Как в сказке, на Ивана устремясь,
Багровым дымом тяжело дышал он
И сыпал искры из змеиных глаз.

И все ж Иван,
Нисколько не робея,
Его булатом острым

наземь сшиб —

И хлынула
Кровь огненного змея
В восьмидесятитонные ковши.

КОСАРИ

Еще туман колышется над плесом,
Спокойна и медлительна река.
Несшибленные матовые росы
Дробинами висят на стебельках.
И утро,
Что свежее мокрых лилий,
Еще прохладой дышит глубоко.
И солнце до поры не подпалило
Пуховые подушки облаков.
А косари,
На долгий сон не падки —
Им этакое утро по душе —
Перед зарей потягиваясь сладко,
Из теплых вылезают шалашей.
На пересуды времени не тратя,
Умывшись в чистой сухонской воде,
Лихие расторопные ребята
В косилки запрягают лошадей.
Привычным и рассчитанным движеньем
Фуфайки подобрал с парной земли,
Взбираются на жесткие сиденья
Покрепче вожжи в руки —
И пошли.

И сочные нехоженые травы,
Кивнув «прости» малиновой заре,
Как пулеметом срезанные,
Справа
Склоняются под ноги косарей.
И кони, свесив бархатные губы,
Под опытной уверенной рукой —
Покорные —
Идут, играя крупом
И раздувая ноздри широко.
А через час, как будто ненароком,
В светлеющий июльский небосвод
Нежданно брызнет из лесу
С востока
Раздавленной клюквою
Восход.
Косарь назад случайно обернется,
Все не давая отдыху рукам —
И виновато
Заспанное солнце
Лизнет его по спекшимся губам.
И он, остановясь на повороте,
Утрет кепчонкой липкий пот со щек.
...Ах, эта жадность русская к работе!
Я был всегда тобою восхищен.
Я знаю, как худою и босою,
Ходила ты с кошелкой на спине
С запасом аржанины да с косою
По сирой вологодской стороне.
Как на глазах оброчного селенья
За медные помещичьи гроши
Выкладывала все свое уменье,
Все мастерство
И страсть и боль души.

Летая и размахисто и ловко
Наострены хозяйственной рукой,
Как соловьи-разбойники,
Литовки
Свистели по ромашке луговой.
А солнце жгло натруженную спину.
Коса металась в травах, горяча,—
И лопалась

суровая холстина
На богатырских
дедовых плечах.

И нам, видать, досталось по наследству,
Войдя навечно в нашу плоть и кровь,
Покой не обещающая с детства
К работе

ненасытная
любовь.

ОБЫЧНОЕ

Еще одну пробоину ракета
Темнице мирозданья нанесла.
А мой товарищ в пыльном кабинете
Сидит бесстрастно с книгой у стола.
Я вваливаюсь:
«Слышал ли, дружище?
Вот снова удивили белый свет!»
«Нельзя ли, — отвечает он — потише,
Тут ничего особенного нет»
И как всегда,
С дотошностью знакомой
Толково начинает разъяснять,
Что физика сегодня на подъеме,
Что этого и надо было ждать...»
А я стою, его прервать не смея,
Смотрю, как галстук поправляет он,
И чувствую и признаюсь себе я,
Что ведь и сам не так уж удивлен.
Для нас для всех обыденно-привычно
Сегодня ощущение высоты.
...Давно ли
Перед трактором обычным
Мы удивленно разевали рты.

* * *

Уж как-то так вот получилось,
Что — коли мягко говорить —
Судьба мне не явила милость
Лазурным детством одарить.
И я, хлебнувши жизни всякой,
Мальцом умел соображать,
Что надо громко-громко плакать,
Когда отец колотит мать.
Но лучше,
Подбежав к кровати,
К ней прямо броситься на грудь:
Ведь пьяные большие дяди
Бутылкой маленьких не бьют.
...Так все недавно это было,
Не вспоминал бы,
Если мог,
Да только памяти постылой
Не затолкаешь под замок.
И стоит только оглянуться,
Как сквозь табачный едкий чад
С клеенки сброшенные блюда
Мне снова под ноги летят.

Но я уже десятиклассник.
Не то, чтоб хил или несмел.
И этот ежедневный праздник
До тошноты мне надоел.
И говорю я зло и прямо
(Пугает маму выкрик мой),
Что ведь преступно
Общность тряпок
Так долго называть
Семьей.
...Сегодня жизнь у нас иная.
Теперь никто уж — целый год —
В цветы окурков не кидает
И ночью песен не поет.
Но иногда
По воскресеньям,
Когда в соседское крыльцо
Заходит в пальтеце осеннем
Мальчишка за руку с отцом,
Я,
Книжку положив на скатерть,
С мальчонки не спускаю глаз.
А к горлу что-то вдруг подкатит,
Что и проглотишь не зараз.
И вдруг захочется до муки,
Как этот карапуз смешной
Погреть застынувшую руку
В ладони теплой и большой.
А то приехать,
Вещи — на пол,
И, глянув в добрые глаза,
Сказать родное слово
«Папа».
...И некому
Его сказать.

ОБИДА

Ты полночь ждешь его часто,
Забыв,
Что пора уже спать.
Твое незавидное «счастье»
Сегодня гуляет опять.
Но вот он,
Угрюмый и шаткий,
Со стуком ввалившись домой,
Потянется к детской кровати
Немытой своей пятерней.
Пахнет перегаром настоек —
И гнев шевельнется в душе.
Ругать?
Так ведь дело пустое.
Молчать?
Невозможно уже.
И влажные искорки
Робко
Опять побегут по щекам,
И мятый платочек торопко
В кармане отыщет рука.
А он,
Все по-своему мера,

Достанет бумажник тугой
И сунет,
В успехе уверен;
«Не пропил.
Бери, да не ной.»
Вздохнешь ты.
И горько, и тяжко.
И голос твой вновь задрожит.
К чему тебе эти
Бумажки,
Когда исковеркана
Жизнь?
К чему этот тюль на окошках,
И разные явства к чему?
Ты лучше бы ела картошку,
Лишь было б спокойно в дому.
А деньги
В дремучем ненастье
Глухого житья твоего
Бессильны
Не только быть счастьем,
Но даже осколком его.

МАТЬ

Дни безжалостно мчатся.
И чтобы
От друзей молодых не отстать,
Уезжает в Москву на учебу
Моя умная
Добрая мать.
Ей уж сорок.
И грусть морщинок
Возле глаз

тонко

сеточку вьет.

И на это
Свои причины
Невеселые у нее:
Голодовки и лютая стужа,
И бессонье военных тревог,
Пьяный мат забулдыги мужа
И ночные дебоши его.
И — давно меня совесть гложет —
Может статься такое, ей-ей,
Что слова мои грубые
Тоже
Обернулись в морщинки у ней.

Но мы не раз
Голодным днем,
Свой шаг
 вливая в общий топот,
И в стужу шли
 и под дождем
За город, на рытье окопов.
Киркой орудовали зло,
Мальчишки,
 надрывая жилы.
...Тебе вот
 слушать тяжело,
А мы все это
 пережили.

ЦЫГАНКИ

Помню:

Горделивые в осанке,
С зеркальцем и картами в руках
Часто босоногие цыганки
Приходили к нам

издалека.

Их встречали бабы под окошком
И как самым близким и родным
В чугунках

последнюю картошку,

Не жалея, отдавали им.

Сдерживая сердце по неделям,
Тут с собой не совладав никак,
Долго умоляюще глядели

На колоду

Всемогущих карт.

И цыганкам,

Видевшим полсвета,

Угадать не стоило труда,

Что в доме уже второе лето

Только слезы, горе да нужда.

А со стен

Из застекленных рамок,

В подтвержденье высказанных слов
В душу к ним заглядывали прямо
Честные глаза фронтовиков.
И чтоб как-то скрасить бабье горе,
Карты им сулили всякий раз
Милого с сердечным разговором
В недалекий и желанный час.
И заметно подобрев, солдаты
Тем цыганкам за гаданье их —
Помню — отдавали без оглядки
Старенькие кофточки свои.
...А на днях я видел на вокзале
В маленьком районном городке,
Как цыганка в ожидальном зале
Хлопотала с картами в руке.
Тихая, уже немолодая,
Подошла к чужому багажу:
«Девушки, давайте погадаю,
Все, как есть, красавицы, скажу»
От нее отмахивались вяло:
«Брось, мол, заниматься чепухой.
Лучше бы работу поискала,
Ведь от карт
Теперь доход плохой».
И цыганка, вызывая жалость,
Отходила в сторону молчком.
А девчонки весело смеялись
И опять болтали о своем.
Что гадать им,
Сверстницам-подругам,
Встретившим двадцатую весну:
Есть работа,
Есть надежный угол
Да и женихам
Не на войну.

* * *

Ты приходишь ко мне без стеснения,
Будто вечно ходила сюда.
Знаешь чем подметаются сени
И на чем кипятится вода.
Ты таскаешь меня по концертам,
Не оставишь свободным ни дня.
И — от сверстниц —
К красивым конвертам
Ты открыто ревнуешь меня.
Я уже не впервой замечаю,
Что обычные даже цветы,
Принесенные мною случайно,
Принимаешь, как должное, ты.
И конечно не думаешь вовсе,
Что в тетради свои погружен,
Я, молчун, уж которую осень
Беспросветно
В другую влюблен.
Я и сам не балован судьбою:
Был любим, и разлюблен опять.
Испытавшему все эти боли,
Мне ли,
Мне ли тебя не понять?

Золотое твое непритворство
И наивно уверенный вид...
И поэтому правдою черствой
Не решаюсь тебя оскорбить.
Хлынет боль
И бессилья припадок,
И тупая
Гнетущая грусть.
И сказать эту правду бы надо,
И сказать тебе все же
Боюсь.

* * *

Гляжу в глаза твои большие,
Гляжу — и кругом голова.
И наплывают голубые
Полузабытые слова,
Что неземное ты созданье,
Хотя и ходишь по земле,
Что из сокровищ мирозданья
Ты для меня всего милей.
И на житейском бездорожье
Никем незаменимый друг,
И всяких лавров мне дороже
Венок
твоих любимых рук.

* * *

Ах, как не хочешь ты открыться
В своей любви передо мной.
И в клубе
С тонкою девицей
Болтаешь,
Встав ко мне спиной.
Вальсируя легко и гибко
Под игом жилистой руки
С обворожительной улыбкой
Подолгу кружишься с другим.
С подчеркнутою неохотой
И равнодушьем на лице
Ты соглашаешься в субботу
Сходить со мною на концерт.
И чувственный смиряя трепет,
Ты говоришь все холодней.
Но знаю:
Это только пепел,
Прикрывший
Знойный жар углей.

* * *

Меж нами все покончено давно.
А я гляжу в продрогшее окно
И жду,
Что вот сейчас из-за угла
Ты вылетишь от инея бела —
И вновь моя угрюмая квартира
Вдруг станет веселей, теплей и шире.
Но — нет.

Я лишь обманываю сердце,
Былую рассудительность губя,
И мне от правды
Никуда не деться
И страшно не обманывать себя.
Вот так приговоренный к смертной
казни,

Не преклоняя буйной головы,
В душе еще себя надеждой дразнит,
Что может быть останется живым,
И даже стоя в мяте незабудок,
Спиною пропасть чувствуя впервой,
Все верит, что сейчас свершится
Чудо —
И пули просвистят над головой.

* * *

Сколько прошло — я не помню:
Годы жестоко летят.
Был удивительный полдень,
Ясный,
Как девичий взгляд.
Где-то над шустрой речушкой
Рядом,
Один на один,
С полужнакомой девчушкой
Я по траве проходил.
Мне это было занято.
И, не предвидя беду,
Я упоенно и складно
Что-то ей врал на ходу.
А незаметно
За нами
Шла и —

сама не своя —

В спины стреляла глазами
Тоська, соседка моя.
Под вечер, времечко выждав,
Резко влетев на крыльцо,

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Я в лес,
Как в храм чудес,
Вхожу неспешно,
По мху гостеприимному иду.
Лес — это сказка.
Но без ведьм и леших.
Он весь передо мною на виду.
На листьях серебринки росной пыли...
Нет, так ведь не бывает на яву:
Наверно, это градусник разбили
И ртутью пересыпали траву.
Осинки были зелены, как озимь,
Той свежести теперь в помине нет.
Кокетливые стройные березы
Покрасились по моде
В рыжий цвет.
И ели здесь бровей не сводят грозно,
Беседуют с рябинками на «ты».
И только лишь заносчивые сосны
Самодовольно смотрят с высоты.
Здесь был разбой устроен на рассвете,
Ослепла после этого сова
И боровик в горячке не заметил,

Что вся в крови
Лихая голова
Трава, болезненно желтея,
Никнет.
И все же не печалюсь ни о чем,
Мне из-за кочки
Спелая брусника
Показывает красный язычок.
И я брожу,
Стащив тяжелый ватник
И каждый куст приветствуя душой.
И все в лесу мне близко и понятно,
Поскольку я и сам здесь
Не чужой.

ВЕЧЕРНЯЯ ВОЛОГДА

Морозный хруст,
Как хруст разбитых стекол.
И я иду один, пугая тишь.
Дома темнеют
Впадинами окон,
Надвинув козырьки
железных крыш.
Былых времен и поколений слепок —
Собор стоит вдали один, как перст.
И золоченый купол,
Точно репа,
Хвостом зарылся
В чернозем небес.
Столбы стоят вокруг, как истуканы,
И в проводах — жужжание осы.
На ближней стройке
Башенные краны
Повесили уставшие носы.
Почтовый ящик,
На стене повиснув,
Ругая одинокую судьбу,
Обиделся на фальш каких-то писем
И оттопырил верхнюю губу.

А воздух чист,
И путь мой блеском выстлан,
И все полно в дремоте темноты
Какого-то особенного смысла,
Какой-то необычной красоты,
Каких-то до конца не ясных звуков
И шорохов вверху над головой,
И только для глухих и близоруких
Здесь, кроме снега,
Нету ничего.

УТРО ВЕСЕННЕЕ

Вновь весной-хозяйкою
Небо всё залатано
Голубыми, новыми
Крупными заплатами.
Нестерпимо хочется,
Выбежавши во поле,
Надышаться допьяна
Духовитым тополем
Выкупаться в свежести
Воздуха прозрачного,
Сделаться сияющим
Из совсем невзрачного,
Запрокинув голову,
Сбросив куртку тесную,
Пить глазами жадными
Глубину небесную.
Забегу восторженный,
В молодую рощицу,
Где березки гибкие
Ветками полощутся.
Захлебнусь от радости
Чувства переспелого...
Утро, вот каким меня
Ты сегодня сделало!

Бросит
Не раздев,
На жесткую кровать.

Не ему ленивых воскресений
И покоя нет, как у людей.
Все же он до смерти не изменит
Верной своенравнице своей.
Потому, что знает он заране —
Так ведется с самых давних лет:
С ней —
 одно мученье и терзанье,
Без нее —
 и вовсе жизни нет.

Гибли люди
Доблестно и гордо
С именем свободы на устах.
Но живет бунтарская их сила,
Будит и зовет людей на бой —
Совесьть твоя чистая, Россия,
Жизнь твоя,
Любовь твоя
И боль.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я будто воин в выкованном панцире»	3
Юность	4
Экзамен	6
Завтра Галкина свадьба	8
Ответ	10
Верность	12
Сегодня встреча	13
Надежда	15
Сердцу	17
Тебе поверили	19
«Я теперь в монетку не играю»	21
Когда тебе двадцать	22
«Не выношу их даже духу»	23
«Настойчиво, ревниво, неустанно»	24
Пасха	25
«О, сколько для давно подросших внуков»	27
Русский характер	29
Однажды	31
Русь	33
Родина	35
Солдат	37

О романтике	39
Рабочая закваска	40
Ребята приходят с работы	42
Доменщики	44
У Череповецкой домны	46
Косари	47
Обычное	50
«Уж как-то так вот получилось»	51
Обида	53
Мать	55
Пережитое	57
Цыганки	59
«Ты приходишь ко мне без стес- нения»	61
«Гляжу в глаза твои большие»	63
«Ах, как не хочешь ты открыться»	64
«Меж нами все покончено давно»	65
«Сколько прошло — я не помню»	66
В осеннем лесу	68
Вечерняя Вологда	70
Утро весеннее	72
Поэт	73
Великие	76
